

ЯДЕРНЫЕ ПРОГРАММЫ ИНДИИ И ПАКИСТАНА

Александр Андреевич ШИЛИН

к.и.н., первый секретарь Департамента по вопросам безопасности
и разоружения МИД РФ

*Лекция, прочитанная 23 марта 2006 г. в Московском физико-техническом институте
для слушателей курса*

***Режим нераспространения и сокращения оружия массового поражения и националь-
ная безопасность (<http://www.armscontrol.ru/course/>)***

Май 1998 года стал моментом значительной важности не только для Южной Азии, но и для всего мира в целом. 11 и 13 мая Индия, а 28 и 31 мая - Пакистан провели серию ядерных испытаний, окончательно доказав таким образом наличие у них ядерного оружия и решимость довести до конца свои ядерные программы.

Индия осуществила свои ядерные испытания там же, где и в 1974 году - в Покхране. 11 мая были взорваны три заряда, 13 - ещё два. Пакистан отреагировал незамедлительно, доказав тем самым, что к тому моменту имел, как и Индия, несколько ядерных устройств в собранном виде. 28 мая страна испытала пять ядерных взрывных устройств, 30 мая Пакистан провел ещё одно испытание. Таким образом, оба государства доказали свою способность производить ядерные заряды. Поэтому в мае 1998 года южноазиатское противостояние получило ещё одну важную составляющую, когда к гонке обычных вооружений между Индией и Пакистаном добавилось ядерное противостояние между ними, став вторым за мировую историю очагом ядерной конфронтации.

Вероятные количественные и структурные параметры ядерных сил Индии и Пакистана были детально рассмотрены автором в предыдущих лекциях. Анализируя оценки индийцами и пакистанцами угроз своей национальной безопасности, рассматривая экономические и технические возможности обоих государств (прежде всего – их способность оснастить ядерными зарядами и принять на вооружение те виды средств ядерного нападения, которые они собираются развёртывать), взгляды индийских и пакистанских аналитиков на возможный ущерб от применения ядерного оружия в регионе, можно достаточно уверенно предположить, что ядерный арсенал Индии в обозримой перспективе будет исчисляться 120-160 боеприпасами, Пакистана – 60-70. В данной лекции было бы целесообразнее остановиться на вопросе, который, при рассмотрении ядерного баланса в Южной Азии, всё чаще выходит на первое место - проблеме международного статуса Индии и Пакистана в связи с обладанием ими ядерным оружием, а также возможности сотрудничества с ними в атомной энергетике.

Проблема в том, что обе этих «новых ядерных державы» не могут быть признаны таковыми с точки зрения международного права. Понятие «державы, обладающая ядерным оружием» относится, согласно Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), только к тем странам, которые провели военное ядерное испытание до того, как этот договор был открыт для подписания в 1967 году. Следовательно, ни Дели, ни Исламабад не могут претендовать на этот статус, если исходить из понятий, заложенных в ДНЯО.

Если же начать пересматривать ДНЯО и признавать Индию и Пакистан ядерными державами, то, без сомнения, это будет означать фактический конец этого договора и весь современный режим ядерного нераспространения, базирующийся на ДНЯО, рухнет. В случае столь радикального изменения Договора сразу же появится логичный вывод – получится, что страны, не подписавшие ДНЯО, не поставившие свою ядерную инфраструктуру под гарантии МАГАТЭ и успешно реализовавшие военные ядерные программы, не только не остались «изгоями» законопослушного мирового сообщества, которое придерживается данных требований, но ещё и приобрели весомый политический выигрыш. Нельзя исключать резко негативной реакции стран, в своё время добровольно отказавшихся от военных ядерных программ и присоединившихся к ДНЯО (ЮАР, Бразилия, Аргентина), что может привести к пересмотру ими своей политики в этой области. Распад системы ядерного нераспространения сейчас, когда чувствительные ядерные технологии становятся всё более доступными, имел бы чрезвычайно негативные последствия для всех стран, в т.ч. и официальных ядерных держав. Поэтому, несмотря на фактическое обладание Индией и Пакистаном ядерным оружием, никто не спешит с их юридическим признанием в этом качестве.

Однако чем дальше, тем более абсурдной выглядит такая ситуация. Споры нет, официальное признание обоих южноазиатских новых ядерных государств было бы крайне нежелательным, но и игнорировать их обладание военным ядерным потенциалом становится нереально – тем более, что ни индийцы, ни пакистанцы позитивно реагировать на призывы присоединиться к ДНЯО в качестве неядерных стран явно не собираются. Выход из этого заколдованного круга представляется делом, требующим осторожного, взвешенного подхода и самой тщательной юридической проработки вопроса.

Вопрос юридического статуса Индии и Пакистана как стран, обладающих ЯО, тесно увязывается с проблематикой сотрудничества с ними в сфере мирного использования атомной энергии. Согласно правилам Группы ядерных поставщиков (ГЯП, международного форума, объединяющего 45 стран – основных поставщиков ядерных товаров), нельзя поставлять продукцию прямого ядерного назначения государствам, не заключившим с МАГАТЭ соглашения о контроле над всей ядерной деятельностью. Пока что единственной страной, осуществляющей такое сотрудничество с Индией, является Россия, сооружающая АЭС «Куданкулам» - но мы используем тот предлог, что соглашение о постройке этой станции было заключено ещё до принятия соответствующего решения ГЯП (соглашение о постройке АЭС осуществляется в соответствии с соглашением от 1988 года¹, а решение ГЯП было принято только в 1992 году).

¹ Правовой основой российско-индийского сотрудничества являются Соглашение о научно-техническом сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии от 22 января 1979 года и Соглашение о сотрудничестве в сооружении в Индии атомной электростанции от 26 ноября 1988 года, которое преду-

Южная Азия, с её огромным населением, динамично развивающейся экономикой и крайним дефицитом электроэнергии, представляет собой крупнейший мировой рынок поставок атомных реакторов и другой атомноэнергетической продукции. Поэтому неудивительно, что основные страны – поставщики таких товаров заинтересованы в проникновении на южноазиатский (прежде всего, конечно, индийский) рынок – но изменение Руководящих принципов ГЯП грозит нарушить существующие правила торговли ядерными материалами и пошатнуть основы всего международного режима экспортного контроля. До сих пор несомненный коммерческий интерес в отношении индийского и пакистанского рынков был подчинён необходимости соблюдать требования режима ядерного нераспространения и правил ядерной торговли. Кроме того, после проведения Индией и Пакистаном ядерных испытаний эти государства попали под режим торгово-экономических санкций.

Поэтому уже много лет ни одна страна не оказывала Индии и Пакистану содействия в атомноэнергетической области, если не считать АЭС в Куданкуламе. Несмотря на огромные прибыли, которые сулит поставка в Южную Азию атомных реакторов и другой ядерной продукции - при том, что Индия и Пакистан испытывают жесточайший дефицит электроэнергии при столь же острой нехватке углеводородного сырья, следовательно, атомная энергетика будет в этих странах необычайно востребована, - политические издержки из-за нарушения международных норм были слишком весомым сдерживающим фактором. Ряд стран использовал «лазейки» в международных договорённостях – так, Россия в 2001 году поставила ядерное топливо для индийской АЭС в Тарапуре, руководствуясь правилом «исключительного случая», заложенным в Руководящих принципах ГЯП (поставка ядерных материалов в страны, не имеющие полноохватных гарантий МАГАТЭ, разрешена, если в противном случае нормальная эксплуатация ядерного объекта в этой стране будет нарушена и может возникнуть опасность аварии). Но до последнего времени никаких действий по изменению сложившегося положения не предпринималось.

Однако начиная с середины 2005 года были сделаны первые конкретные шаги на пути решения данной проблемы. Во время визита индийского премьер-министра Манмохана Сингха в Вашингтон 18 июня 2005 года было принято совместное американо-индийское заявление на высшем уровне, в котором впервые было подчёркнуто стремление США вести дело к такому изменению международных правил торговли ядерными материалами и технологиями, которое позволило бы расширить сотрудничество с Индией в этой области. Индийцы взамен обещали принять ряд мер, которые способствовали бы «подтягиванию» Дели к режиму нераспространения – заняться разграничением военного и гражданского секторов своей ядерной инфраструктуры, развивать систему экспортного контроля, максимально приближая её к требованиям, существующим в государствах – членах ГЯП, продолжать соблюдать мораторий на ядерные испытания. Следует заметить, что с американцами у Дели сотрудничество в ядерной области в последние десятилетия находилось на весьма низком уровне. Оно было свёрнуто ещё после первого индийского

смачивает сооружение АЭС, состоящей из двух энергоблоков с реакторами типа ВВЭР-1000 мощностью по 1000 МВт, а также взаимодействие в её эксплуатации. В 1998 году Россия подписала с Индией двусторонний меморандум по экспортному контролю, ставший одним из первых документов такого рода в мировой практике.

ядерного испытания, 1974 года, хотя до того США осуществляли с Индией масштабные проекты – например, американцы поставили два реактора для АЭС в Тарапуре.

Разумеется, выполнение всех указанных действий потребует достаточно долгого времени - как минимум нескольких лет. Если индийская система экспортного контроля не потребует такого уж существенного укрепления (она практически соответствует высоким стандартам, предъявляемым ГЯП), то разграничение военного и гражданского секторов представляется трудной задачей, сопряжённой для Дели с немалыми сложностями организационного и финансового характера. Индийская ядерная инфраструктура всегда была разделена достаточно условно, военные материалы как раньше, так и сейчас, зачастую нарабатывались на гражданских энергетических реакторах.

Американцы, судя по всему, взялись за снятие ограничений в отношении Индии весьма серьёзно. Они официально объявили о снятии ограничений на поставку в эту страну продукции двойного назначения. Но проблема для американцев не ограничивается только изменением международной нормы, регулирующих экспортный контроль. Чтобы осуществлять ядерное сотрудничество с Индией, Вашингтону необходимо прежде всего внести поправки в собственное, внутреннее законодательство, в которое инкорпорированы нормы ГЯП, в т.ч. и невозможность сотрудничества со странами, не имеющими полноохватных гарантий МАГАТЭ (такой принцип заложен во внутреннее экспортно-контрольное законодательство всех стран – членов ГЯП, в т.ч. России). Существуют обоснованные предположения, что Конгресс США вряд ли одобрит внесение изменений в соответствующие американские законы – по крайней мере, предварительные оценки показывают, что большинство конгрессменов отрицательно относится к этому, считая, что подобное послабление для Индии неминуемо подорвёт режим нераспространения. Активная пропаганда сторонников изменения законодательства пока видимого воздействия на Конгресс не оказала.

Что касается собственно Руководящих принципов Группы ядерных поставщиков, то для внесения в них изменений потребуется консенсус в рамках Группы, т.к. в ней вообще все решения принимаются консенсусом. А достичь консенсуса по такому архиважному для всего режима нераспространения вопросу в ГЯП кажется совсем не просто. Американский курс по отношению к Индии в целом поддерживается Францией, Великобританией и Россией – т.е. теми государствами, которые сами рассчитывают получить немалую экономическую выгоду от возможного расширения сотрудничества с Индией в ядерной области. Надо заметить, что в течение 2005 года Франция, Великобритания и Канада приняли совместные с Индией заявления о снятии ограничений на поставки Дели продукции двойного назначения. Но ряд влиятельных членов ГЯП, прежде всего, уже упомянутые Бразилия, Аргентина и ЮАР, практически наверняка выступят против. «Уговорить» эти страны поддержать консенсус едва ли удастся, даже если использовать всё коллективное влияние США, Франции и т.д. – слишком важен для них вопрос сохранения ограничений для стран, не присоединившихся к ДНЯО и, соответственно, незыблемости международных договоров и соглашений в ядерной сфере. Германия Япония. Понимая, что по изменению текста Руководящих принципов ГЯП консенсуса не будет, США предлагают текст не менять, а ограничиться разовым заявлением Пленарного заседания ГЯП (проходит раз в год), в котором и будет озвучено снятие с Индии ограничений. С такой

инициативой американская делегация, скорее всего, выступит уже на ближайшем Пленарном заседании, которое состоится в Рио-де-Жанейро в мае-июне с.г.

Развитие ситуации получило новый импульс после визита в Индию Дж.Буша 28 февраля – 2 марта с.г. Приняв новое совместное заявление, американский президент и индийский премьер-министр конкретизировали намерения своих стран и более подробно очертили шаги, которые они намерены в этой связи предпринять.

Дели согласился поставить под гарантии МАГАТЭ 14 своих энергетических реакторов. При этом оба действующих реактора – наработчика плутония и 6 прочих реакторов останутся вне гарантий. Индия будет, согласно договорённости, сама определять классификацию будущих реакторов и этот вопрос больше не будет подниматься на переговорах с американцами. При этом, однако, стороны договорились, что режим гарантий МАГАТЭ на гражданских реакторах будет постоянным. Мощности по химпереработке отработавшего топлива и его хранилища останутся вне гарантий. Вашингтон также предоставит гарантии поставок в Индию ядерного топлива. Остальные 9 исследовательских установок будут заявлены как гражданские. Итог визита Дж.Буша в Индию дал ряду государств повод говорить о «победе» Индии – мол, Дели поставит под гарантии меньшую часть своих реакторов, к тому же, получил возможность в будущем не ставить под гарантии вообще ни один реактор. Данные договорённости будут реализовываться до 2014 года. Американцы, однако, дали понять, что пока не готовы признать Индию де-юре ядерной державой.

Индия выведет из эксплуатации свой реактор-наработчик плутония CIRUS (канадского производства) в 2010 году, кроме того, извлечёт активную зону из реактора-наработчика французской поставки «Апсара», выведет её за пределы исследовательского центра им. Х.Бхабхи и поместит под гарантии МАГАТЭ в том же году. На первый взгляд, этот шаг может расцениваться как жест доброй воли, но если принять во внимание, что индийцы имели в виду два устаревших реактора, которые в любом случае пришлось бы заглушить к указанному сроку хотя бы исходя из их возраста, то заметно, что Дели поступился не так уж и многим (речь идёт о реакторах «СИРУС» и «Апсара», введённых в строй в 1956 и 1962 г.г. соответственно). То, что индийцы будут самостоятельно определять военное или мирное предназначение своих будущих реакторов, позволит Индии теоретически не ставить под гарантии МАГАТЭ больше ни один реактор вообще.

Если говорить о заключении соглашения Индии с МАГАТЭ о полномасштабном контроле над мирной ядерной деятельностью, то здесь неминуемо придётся решать вопрос о типе такого соглашения. Соглашение о гарантиях бывает двух типов – для официальных ядерных держав и для всех остальных, поэтому если стремиться к постановке индийской инфраструктуры под гарантии Агентства, то дилемму о признании Индии ядерной державой игнорировать будет невозможно. Дели наотрез отказывается присоединяться к режиму нераспространения на правах неядерной страны, что может завести в тупик его переговоры с МАГАТЭ.

20-22 марта 2006 года в Вене прошло заседание Консультативной группы ГЯП, на котором «индийский вопрос» рассматривался в числе приоритетных. Расклад сил ещё раз подтвердил серьёзное расслоение среди участников ГЯП – как и ожидалось, со стороны Бразилии, Аргентины и ЮАР, выступавших против каких-либо послаблений Дели, прозвучало опасение в связи с «размыванием» основ ДНЯО. Т.е., в любом случае предстоит ещё достаточно долгий путь, прежде чем препятствия на пути к полномасштабному со-

трудничеству с Индией в ядерной области будут полностью устранены. Так или иначе, если не произойдёт каких-то резких перемен ситуации, то процесс займёт несколько лет.

Вряд ли можно сомневаться в том, что политика США в отношении Индии, имеет основой только стремление получить крупный доход от поставок ядерных товаров. Если у России, Франции и других стран, стремящихся проникнуть на индийский ядерный рынок, интерес преимущественно коммерческий, то американо-индийское сближение, несомненно, является лишь одним из элементов общей эволюции американской внешней политики в Азии. Начало нового столетия было ознаменовано всё углубляющимся налаживанием сотрудничества Индии с США под влиянием объективных факторов внешнеполитической конъюнктуры. В целом наблюдается беспрецедентное практически за всю историю двусторонних связей потепление индо-американских отношений.

Американский курс последних лет в отношении стран Южной Азии стал характерным следствием глобальных перемен последнего десятилетия. Поддержка Пакистана, который в 70-80-е годы рассматривался в качестве одного из форпостов в процессе создания кордона против советского влияния в Азии, ныне вряд ли столь уж актуальна для Белого дома. Смещение акцентов афганского противостояния от антисоветского к исламскому и поддержка пакистанской военизированной Движения Талибан, проповедующего священную войну против США, также сделали Пакистан достаточно невыгодным партнёром. Назрела необходимость найти в регионе другие государства, с которыми Вашингтон мог бы развивать если не союзнические отношения, то хотя бы выгодные долгосрочные связи. Индия в данном смысле представляется исключительно перспективной, в силу также и колоссального объёма рынка приложения американского капитала.

Для Дели интерес в развитии всестороннего взаимодействия с США, в общем, очевиден – улучшение отношений с ведущей мировой державой, да ещё располагающей военным присутствием непосредственно у границ Южной Азии, бесспорно выгодно Индии. Экономическая составляющая такого потепления также бесспорна – как Вашингтон заинтересован в продвижении своей высокотехнологичной продукции на индийский рынок, так и Дели стремится увеличить свои экономические связи с США. Торговый оборот между двумя странами в последние годы превышает 30 млрд. долл. ежегодно (аналогичный российско-индийский показатель начиная с 1991 года никогда не превышал 1.5 млрд. долл., если не считать стоимости поставок вооружений²).

При всей значимости указанных факторов, существует ещё один немаловажный феномен, который нельзя сбрасывать со счетов при анализе эволюции индо-американских отношений. Индию не может не беспокоить постоянное усиление военной мощи Китая и модернизация его вооружённых сил. Конечно, в последние десять-пятнадцать лет Дели и Пекин пытаются вновь обрести друзей в лице друг друга и восстановить взаимное расположение, хотя Китай, по словам индийского политолога П.Чопры³, был на протяжении долгого времени «агрессивным и ненавистным соседом». Тем не менее, - это подчёркивают некоторые исследовательские агентства, например, Центра Карнеги⁴, - в опубликован-

² В 1982 году СССР занял первое по значению место среди всех торгово-экономических партнёров Индии, не исключая и США, с которыми у Дели всегда был развитый торговый обмен, невзирая на политические разногласия.

³ Время МН, 17.07.2001.

⁴ Ядерное Распространение, №2/2001, с.17.

ных перспективных планах индийских стратегов именно Китай, а не Пакистан, является главным стратегическим противником.

Пристальное внимание Дели к Юго-Восточной Азии, которое наблюдается в последнее десятилетие, является одним из хорошо выраженных векторов индийской внешней политики, направленных на повышение своего влияния в ключевых регионах. Дальнейшая интенсификация политико-экономических отношений Индии со странами Юго-Восточной Азии, очевидно, будут сопровождаться и ростом там индийского военного присутствия. Учитывая, что усиленное экономическое проникновение в Юго-Восточную Азию Китая также сопровождается повышением его военной активности в акватории Южных морей, именно данный регион может рассматриваться как сфера вероятного непосредственного военно-политического столкновения Индии и Китая.

Направленность внешнеполитического и военного планирования Индии на протяжении последнего десятилетия показывает, что китайский фактор оказывает на Дели значительное воздействие. По мнению британских специалистов, наблюдаемый с середины 90-х годов быстрый рост активности индийского флота в водах Юго-Восточной Азии вызван именно курсом на противодействие расширению сферы господства китайского флота. Как подчёркивает «Джейнс Дифенс Уикли», если до середины 90-х годов Индия сравнительно мало обращала внимание на акватории Южных морей, то в начале XXI века для Дели «стратегическим стремлением является достижение контроля над Малаккским проливом, или, по меньшей мере, возможности угрожать ему»⁵. Весьма интересно, что аналитиками «Джейнс» был при этом упомянут повышенный интерес, который Индия проявляет, якобы, к бывшей российской базе Камрань. Вне зависимости от достоверности данного тезиса, создание базы на подступах к Проливам (может быть, и не на территории Вьетнама, хотя, учитывая значительную интенсификацию отношений Дели с Ханоем в 90-е годы, Вьетнам представляется исключительно удобным местом) в любом случае вполне логично следует из концепции обеспечения надёжного контроля над Южно-Китайским морем. Вдобавок, следует иметь в виду также соображения престижа, которые всегда весьма чётко фигурировали в индийском военном планировании.

С уходом из Южных морей морского влияния Советского Союза, в этих водах образовался известный вакуум военно-морского присутствия крупных держав. Так, ВМС НОАК, несмотря на географическую близость Китая, пока не в состоянии его заполнить. В данном случае для Пекина играют основную роль, видимо, ограничения не столько технического, сколько внешнеполитического характера - Китай, представляющий для большинства государств региона (хотя он и значительно улучшил отношения, например, с тем же Вьетнамом) основную стратегическую угрозу, едва ли в обозримом будущем может рассчитывать на создание там своих баз. Соединённые Штаты, в свою очередь, пока опираются на базы Седьмого Флота в Японии и Южной Корее, уделяя не так много внимания Малаккскому проливу, особенно после ликвидации американских баз на Филиппинах. К тому же Белый дом в настоящий момент сосредоточен больше на решении проблем Ближнего и Среднего Востока, а ставший для американцев неожиданностью кризис вокруг иранской ядерной проблемы может ещё сильнее отвлечь Вашингтон от других регионов. При этом даже для гигантского флота США есть предел рассредоточения сил, ко-

⁵ Jane's Defence Weekly, 28.03.2001, p.24.

торый, видимо, уже достигнут. То есть начало XXI века становится для Дели весьма подходящим моментом для военно-морского проникновения в Юго-Восточную Азию и заполнения образовавшегося «вакуума силы», оставаясь там по ряду причин вне конкуренции.

Несомненно, именно явственным ощущением китайского политико-экономического и военного присутствия в ЮВА и повышенным интересом Китая к своим юго-восточным рубежам было вызвано намерение Дели создать мощную базу на Андамских островах с размещением эскадрильи Су-30⁶ (придание этой базе самолётов-заправщиков Ил-76 сделает возможным контроль воздушного пространства и обеспечение коммуникаций вплоть до Малаккского пролива, который имеет исключительную важность для индийской морской торговли).

Соотношение обычных вооружённых сил Индии и Китая в настоящее время складывается не в пользу Индии, что подтверждается исследованиями, например, экспертов агентства «Джейнс». Так, программа совершенствования НОАК имеет целью, помимо прочего, создание сил быстрого реагирования численностью до 10-15 процентов от всех вооружённых сил Китая, что составит около 200-300 тысяч человек⁷. Эти силы должны стать передовой группировкой, которая будет развёрнута на необходимом направлении в течение 24 часов. То есть Китай получит способность перебросить в короткое время в любой район страны - и, видимо, на индийскую границу в том числе - войска, равные по численности трети всех сухопутных сил Индии. Общее подавляющее превосходство Китая над Индией в области сухопутных сил и ВВС на современном этапе во всех отношениях не вызывает сомнений у аналитиков, а с учётом процесса радикальной модернизации Китаем своих вооружённых сил, Пекин может получить ещё большее превосходство.

Поэтому налаживание партнёрства Индии и США – не только экономического, но и военного, - вполне увязывается с ростом китайской мощи, с непосредственными проявлениями которой в том или ином виде, несомненно, индийцам придётся столкнуться уже в обозримой перспективе. Что же касается американцев, то и для них китайский фактор становится всё более весомым.

Интерес к космическим проектам и совместному развитию ПРО может быть подтверждением антикитайской направленности политики Белого дома в Азии. Возможно, Соединённые Штаты рассматривают Индию как один из форпостов такой системы ПРО, которая сможет перехватывать баллистические ракеты, запускаемые с китайской территории на начальном участке траектории, принимая меры на случай, если КНР в будущем станет представлять реальную военную угрозу США (в дополнение к проектируемой системе ПРО ТВД в Азиатско-Тихоокеанском регионе). Если исходить из американской концепции создания «оборонительного вала» вокруг Китая, то следует, видимо, действительно, в скором времени ожидать дальнейших шагов Вашингтона по укреплению сотрудничества с Индией в ракетной области и освоении космоса. Нельзя исключать, что индо-израильская программа разработки стратегической ПВО/ПРО (закупка РЛС «Грин Пайн», на которую американцы столь охотно дали разрешение, участие Дели в создании системы ПРО «Эрроу»), является частью общего крупного плана США по созданию про-

⁶ The Hindustan Times, 02.08.2001.

⁷ Jane's Defence Weekly, 12.07.2000.

тиворакетного кордона в Азии, очевидно, ориентированного в первую очередь на возможное противостояние с Китаем в сравнительно недалёкой перспективе и охватывающего Китай с возможно большего числа направлений. Поскольку, с учётом впечатляющих экономических успехов Пекина, быстрого роста его военной мощи и достижений космической программы, стремление США к сдерживанию Китая как потенциального основного конкурента в мировой политике будет только возрастать, роль Индии (и Южной Азии вообще) в американском стратегическом планировании также будет всё более заметной. Очевидно, что нынешний американо-индийский «медовый месяц» и американская политика наибольшего благоприятствования Дели в ядерной области - только первый этап.

В качестве одного из главных доводов в пользу «подтягивания» Индии в режиме нераспространения используется то, что территория Индии никогда не была источником утечек чувствительных ядерных материалов. В случае же с Пакистаном такая аргументация не срабатывает.

Действительно, для имиджа Пакистана в нераспространенческой сфере крайне негативным стало выявление т.н. «сети распространения». В 2002-2003 годах выяснилось, что в течение многих лет Пакистан был источником крупномасштабных контрабандных поставок различных ядерных товаров и технологий – причём не только двойного, но и прямого военного назначения. Примечательно, что организатором этой сети, её «менеджером» и идейным вдохновителем оказался не кто иной как Абдул Кадир Хан – «отец» пакистанского ядерного оружия (поэтому «сеть распространения» часто называется в СМИ по имени её основателя – «сеть Хана»). Пакистанский след обнаружился в ядерных программах Ирана, Ливии, Северной Кореи, ядерных исследованиях Саудовской Аравии и некоторых других стран. Посредническая деятельность затронула Малайзию и ОАЭ, причастны к её деятельности оказались и бизнесмены из ЮАР и стран Западной Европы. В настоящее время по этим фактам в Пакистане идёт следствие и, по-видимому, основные элементы «сети» удалось ликвидировать. Тем не менее, из-за такого неблагоприятного феномена за Пакистаном прочно укрепилась репутация ядерного распространителя.

Что же касается самого Пакистана, то хорошо заметно его раздражение по поводу столь серьёзных «поблажек» индийцам. Исламабад в последнее время рассчитывает, что и ему удастся в конце концов изменить отношение к себе со стороны ведущих ядерных экспортёров. Пакистанцы во время визита Дж.Буша в Исламабад в начале марта с.г. проброшили идею о расширении сотрудничества в атомной энергетике, в т.ч. поставке американских реакторов, но, судя по всему, реакция Вашингтона была негативной. Однако пакистанцы не теряют надежды добиться поддержки Китая. Основания для этого у них есть – китайцы неоднократно намекали на возможность распространения «индийского прецедента» и на Пакистан. Исламабад неоднократно зондировал и Россию на этот предмет.

Один из аргументов пакистанцев в пользу интенсификации сотрудничества с Россией – что оно сможет оказать достаточно благотворное воздействие на стратегическую обстановку в Южной Азии. Как представляется, такое утверждение не лишено основания. Настоящий период развития международных отношений в регионе отличается чертами, которые уже в достаточно недалёкой перспективе могут привести к последствиям, весьма

нежелательным как для российских интересов, так и для глобальной безопасности в целом.

Дело в том, что развивавшиеся до сих пор стабильно процесс накопления обычных вооружений в Южной Азии, военное противостояние между Индией и Пакистаном и развитие региональной системы стратегического баланса в целом в последние 10-12 лет характеризуются сейчас не имевшей место прежде тенденцией - растущей асимметрией этого процесса. Если практически весь предыдущий период пакистано-индийского противостояния был отмечен достаточно сбалансированной эскалацией, когда и Индия, и Пакистан повышали мощь своих вооружённых сил в целом равными темпами, удерживая как правило постоянное соотношение сил, то с 90-х годов можно говорить о том, что Индия в военной гонке явно увеличивает отрыв, который Пакистану компенсировать при сохранении современного положения дел будет едва ли возможно.

Такая тенденция обусловлена довольно широким набором причин как регионального, так и внешнего характера. Прежде всего, речь идёт о военном противостоянии Пакистана с Индией. Здесь следует указать на ускоренный экономический рост Индии, связанное с ним увеличение военных ассигнований и те весомые результаты, которые начало приносить развитие национальной военно-промышленной базы. Пакистан пока не может похвастаться такими достижениями – его экономика, конечно, также показывает положительный рост, но он происходит всё же медленнее, чем прирост индийской экономики.

Кроме того, научно-техническая база Индии вплотную приблизилась к рубежу, за которым наступает резкий, качественный скачок, когда страна будет в состоянии осуществлять проекты высокой степени сложности, включая космические, а также разработку и промышленный выпуск современных самолётов. Пакистан не имеет таких возможностей и, судя по всему, не получит их и в ближайшем будущем.

Однако главной причиной складывающейся ситуации является, видимо, произошедшее за последние 12 лет принципиальное изменение характера глобальной системы международных отношений и, соответственно, роли Южной Азии в мировых делах. Начиная с середины 50-х годов региональный стратегический баланс, основным элементом которой было военное противостояние Индии и Пакистана, складывался в зависимости от динамики биполярной конфронтации. Конечно, речь не шла о непосредственном вовлечении двух этих государств в советско-американское противоборство, но распределение внешнеполитических приоритетов и Пакистана, и Индии было в большой степени обусловлено разделением мира на два лагеря, поэтому и иностранную военную помощь оба государства получали в значительной степени по причине различия интересов Москвы и Вашингтона.

Создание в 50-е годы антисоветских блоков СЕАТО и СЕНТО и связанные с этим программы американской военной помощи странам третьего мира (в данном случае - Пакистану) были одним из важнейших периферийных элементов американской стратегии, направленной на распространение влияния Вашингтона на возможно более широкий круг развивающихся государств в условиях «холодной войны». Масштабное содействие Вашингтона Исламабаду в военно-технической области позже, во время правления Зия уль-Хака, было также вызвано в первую очередь антисоветской направленностью политики США. Таким образом, пакистанский военный потенциал в 50-80-е годы развивался практически полностью благодаря американскому содействию, продиктованному стремлением

Вашингтона к сдерживанию СССР, т.е. в общем не будет преувеличением сказать, что Пакистан был способен поддерживать военный баланс с Индией только благодаря «холодной войне» - причём баланс этот был очевидно непропорционален соотношению собственных экономических потенциалов Пакистана и Индии.

С исчезновением советско-американского противостояния и практической неспособностью нынешней России к проецированию военной силы за пределы национальной территории и, тем более, оказанию военного давления на США Белый дом уже далеко не так, как прежде заинтересован в усилении военного потенциала Пакистана. В настоящее время, в условиях снижения интереса США и многих других стран Запада к активному военному сотрудничеству с Пакистаном, Исламабад рискует остаться лишь с малой долей импорта высокотехнологичных вооружений по сравнению с прошлыми временами. Пока никаких явных мотиваций для заключения с Пакистаном контрактов, подобных соглашению 1981 года (по которому Пакистан получил военной помощи на несколько млрд.долл.), у США не просматривается, особенно при учёте заметного повышения интереса Белого дома к Индии. Тем более маловероятным представляется получение Пакистаном иных источников регулярной военной и финансовой подпитки из-за рубежа. Китайская военная и экономическая помощь, при всей её значимости, вряд ли сможет полностью компенсировать острую потребность в современных видах вооружений.

Усиленное финансирование вооружённых сил Индии и реализация Дели собственных программ разработки вооружений закладывают основу для качественного усиления индийской военной мощи, вероятно, к 2008-2010 годам. Что касается Пакистана, то весьма сомнительно, что он будет в состоянии совершить столь же резкий прорыв в своей обороноспособности, не имея даже и малой доли тех возможностей, которые предоставлялись ему во времена «холодной войны». Таким образом, асимметричность индийско-пакистанской военной конфронтации, вероятно, будет становиться всё более явной - Пакистан, испытывая острую нехватку финансовых средств и вооружений нового поколения, тем более, в условиях достаточно сильного внешнеполитического давления, начнёт «сдавать позиции» в своём противостоянии с Индией, которая выйдет на глобальный уровень в плане военно-политической мощи.

При том обстоятельстве, что продолжение противостояния с Дели становится для пакистанских военных в значительной степени залогом сохранения их позиций в обществе, ослабление трений с Индией, очевидно, не отвечает долгосрочным интересам высшего офицерства. Прекращение огня на Линии Контроля, достигнутое сторонами в конце ноября 2003 года по инициативе Пакистана, вполне вероятно, может в любой момент быть нарушено и потепление в пакистано-индийских отношениях не будет продолжительным.

Однако есть вероятность того, что инициатива о прекращении огня и ряд последовавших за ней договорённостей, снижающих двустороннюю напряжённость, включая обмен визитами на высшем уровне, могут быть первым признаком того, что Пакистан «сдаёт позиции» в противостоянии с Индией, не выдерживая тягот военно-стратегической гонки в условиях напряжённой внешнеполитической ситуации. Но в случае «сдачи позиций» пакистанская армия попадает в «заколдованный круг» - с одной стороны гонка вооружений с Индией в сочетании с нагнетанием антииндийских настроений внутри страны становятся экономически и политически непозволительными, поэтому необходимо искать выход из конфронтации, с другой - в целях поддержания руководящей роли армии в об-

шестве эту конфронтацию и напряжённость на Линии контроля в Кашмире необходимо сохранять. И в первом, и во втором случае Пакистан рискует оказаться в кризисном положении - либо армия, лишаясь фактора «индийской угрозы», в существенной степени может потерять поддержку в обществе, вследствие чего есть вероятность появления «вакуума власти», либо экономика страны может быть ввергнута в глубокую депрессию из-за чрезмерных военных затрат в попытках угнаться за уходящей вперёд индийской военной машиной - что также повлечёт падение авторитета военных. Ослабление влияния пакистанских вооружённых сил на политическую систему страны может иметь весьма пагубные последствия в виде резкого всплеска нестабильности, поскольку армия, несмотря на распространение исламистских идей среди части военных, является главным, если не единственным, реальным противовесом исламскому экстремизму в стране. Это особенно касается нынешнего пакистанского руководства во главе с П.Мушаррафом, которое в последние несколько лет предприняло действительно эффективные масштабные меры по подавлению деятельности экстремистских группировок.

Усиление дисбаланса в военном противостоянии Дели и Исламабада может привести к тому, что индийцы, почувствовав большую, нежели прежде, уверенность в своих силах, попытаются, возможно, увеличить давление на Пакистан в целях добиться беспрецедентных уступок по ряду вопросов, в т.ч. Кашмирской проблеме. Не исключено при этом, что индийцы будут делать упор на силовую составляющую своей политики, тем более, что взгляды «ястребов» приобретают среди индийских правящих кругов всё большую популярность.

Вообще говоря, в политологии существует распространённое мнение, что у конфронтационной ситуации, тем более такой сложной и давно сложившейся, как индийско-пакистанское противостояние, не может быть иной развязки, чем кризисная и взрывная⁸. Это может быть не обязательно война, или физический «уход со сцены» одного из противников, но, в любом случае, вовсе не мирное и безболезненное разрешение проблемы. Можно предполагать, скажем, физический «уход со сцены» одного из противников, как это случилось с Советским Союзом. Если принимать такую точку зрения, то бесспорно, из двух участников южноазиатского противостояния кандидатом на «кризисный» выход из игры становится слабейший - Пакистан (поскольку добровольный отказ от конфронтационной политики практически нереален).

Впрочем, в случае нарастания кризисных явлений в Пакистане в обстановке увеличивающегося отрыва Индии в военной гонке, нельзя полностью исключать и военный сценарий развития ситуации. Если Пакистан окажется в конце концов «загнанным в угол», может сказаться общая психологическая усталость пакистанского руководства, которое решится - в качестве жеста отчаяния - на войну. Нечто подобное случилось во время третьей индийско-пакистанской войны в декабре 1971 года, когда правительство А.М.Яхья-Хана решило, что терять ему в принципе нечего и начало боевые действия несмотря на заведомо проигрышное положение. В настоящее время, безусловно, война не является для Исламабада безальтернативным вариантом, но если обстоятельства для пакистанцев будут и в дальнейшем ухудшаться, возможности Пакистана для внешнеполити-

⁸ Wheeler, Nicholas J., Booth, Ken. Beyond the Security Dilemma: Technology, Strategy and International Security. // The Uncertain Course. New Weapons, Strategies and Mind-sets. SIPRI, Oxford Univ. Press, 1987, p. 331.

ческого манёвра будут становиться всё меньше. Хотя пока, если говорить о нестабильности внутривосточного положения в Пакистане в настоящее время, стоит обратить внимание, что нынешнее пакистанское руководство не более нестабильно, чем, скажем, правительство Яхья-Хана в конце 60-х годов или в принципе любое другое правительство Пакистана в 50-70-е годы. Диверсификация внешних связей, развитие отношений с такой крупной страной как Россия, несомненно, только укрепят положение пакистанской правящей элиты.

Разумеется, банкротство экономики Пакистана и/или распад страны «по советскому образцу» с труднопредсказуемыми последствиями не могут быть выгодны никому из ведущих стран мира. Российское участие в усилиях по предотвращению подобного кризиса южноазиатской подсистемы международных отношений представлялось бы также вполне логичным. Сохранение стратегического баланса и силового равновесия в регионе, где у России остаются важные экономические и политические интересы, было бы для нашей страны крайне важно. Едва ли обоснованы тревоги индийцев в связи с возможностью «внесения дисбаланса» в соотношение сил Дели и Исламабада – индийский военный потенциал растёт такими темпами, что даже самое крупномасштабное иностранное военное содействие Пакистану приведёт максимум к удержанию прежнего соотношения сил.

Заключение с Пакистаном контрактов в военной области было бы для России весьма выгодно со многих точек зрения. Для российской военной промышленности на данном этапе был бы востребован ещё один крупный покупатель, испытывающий острую потребность в современных вооружениях и технологиях и готовый к масштабным приобретениям практически всех видов техники. К тому же, если Пакистан станет импортёром российской военной продукции, а тем более, приступит к развитию совместных проектов в экономической области, то, с учётом того, что пакистанская правящая элита всегда располагала достаточно мощными рычагами воздействия на радикальные исламские круги, фундаменталистские или антироссийские настроения внутри страны, вне сомнения, пойдут резко на убыль. Такого мнения придерживаются и авторитетные российские регионаловеды⁹. Важно то, что сейчас Россия в случае наращивания отношений с Пакистаном будет на многих направлениях в весьма выгодном положении, оставаясь вне конкуренции со стороны других держав. Заявления, сделанные в недавнем прошлом на высшем уровне, о том, что «Россия не продаст Пакистану ни одного патрона»¹⁰, вряд ли, таким образом, можно считать отвечающими насущным задачам российской внешней политики и реалиям обстановки в мире. России вполне по силам сделать отношения с Пакистаном более интенсивными ни в коей мере не за счёт продолжения активного ВТС с Индией.

Что касается сотрудничества с Пакистаном в области мирного использования атомной энергии, то и здесь существует возможность искать пути налаживания контактов. В рамках работы по вовлечению Пакистана в режим ядерного нераспространения вполне рациональным было бы подумать об аналогичных послаблениях и для Пакистана при выполнении им тех же условий, что США предъявляют Индии. При этом, конечно, следует обусловить налаживание сотрудничества полной ликвидацией в Пакистане оставшихся элементов «сети распространения» на своей территории и прояснения всех аспектов её

⁹ Москаленко В. Исламский радикализм набирает силу. // Азия и Африка сегодня, №6/2003, см. с. 27.

¹⁰ Известия, 22.12.1995. Цитируется высказывание Б.Н.Ельцина.

деятельности в прошлом. Пакистанское руководство, имея столь заманчивый «пряник» как получение международного содействия в атомной энергетике, несомненно, примет все меры по исправлению своих прегрешений.

Таким образом, не только индийский, но и пакистанский атомноэнергетический рынок будет открыт для нас. Главная же выгода, которую может обрести Россия, налаживая сотрудничество в военной области и сфере безопасности сразу с обоими крупнейшими государствами Южной Азии - это получение исключительно удобного инструмента воздействия на политический процесс в этом важнейшем для нас регионе, что особенно важно сейчас, когда возможности нашей страны во внешнеполитической области достаточно ограничены.

Приложение 1. Ядерная инфраструктура Индии

Атомные электростанции

АЭС	Реакторы	Год ввода в строй реакторов
1.Тарапур, <i>штат Махараштра</i>	2-160 МВт; легководные 1-540 МВт, тяжеловодный 1-540 МВт, тяжеловодный	оба - 1969 2005 Строится, план - 2006
2.Раджастхан, <i>штат Раджастхан</i>	1-100 МВт, тяжеловодный 1-200 МВт, тяжеловодный 2-220 МВт, тяжеловодные 2-220 МВт, тяжеловодные	1973 1981 оба - 2000 Строятся
3.Нарора, <i>штат Уттар Прадеш</i>	2-220 МВт, тяжеловодные	1991, 1992
4.Какрапар, <i>штат Гуджарат</i>	2-220 МВт, тяжеловодные	1993, 1995
5.Кайга	2-220 МВт, тяжеловодные 2-220 МВт, тяжеловодные	оба - 2000 Строятся
6.Мадрасская, <i>Мадрас (Ченнаи)</i>	2-170 МВт, тяжеловодные	1983, 1985
7.Куданкулам, <i>в 20 км от самой южной точки страны, штат Тамил Наду</i>	2-1000 МВт, легководные	Строятся
8. Центр ядерных исследований им. Индиры Ганди, <i>Кальпаккам, штат Тамил Наду</i>	1-500 МВт, на быстрых нейтронах	Строится

Всего в строю 15 реакторов, 9 строится. Действующие реакторы на АЭС «Тарапур» и «Раджастхан» — под гарантиями МАГАТЭ, все остальные — вне гарантий. Все тяжеловодные реакторы используют в качестве топлива природный уран.

Исследовательские реакторы

Место расположения	Тип реактора, мощность / топливо	Год ввода в строй
Тромбейский центр ядерных исследований им. Х.Бхабхи, <i>штат Махараштра, близ Бомбея</i>	1. «Апсара», легководный, 1 МВт / 35%-ный уран	1. 1956
	2. «СИРУС», тяжеловодный, 40 МВт / природный уран	2. 1960
	3. «Дхрува», тяжеловодный, 100 МВт / природный уран	3. 1985
	4. «Зерлина», тяжеловодный, 100 ватт / раз-личное топливо	4. 1961, работа остановлена
	5. «Пурнима-1», критическая сборка на быстрых нейтронах, нулевой реальной мощности	5. 1972, работа остановлена
	6. «Пурнима-2», на быстрых нейтронах, 50 ватт / ^{233}U	6. 1984, работа остановлена
	7. «Пурнима-3», на быстрых нейтронах, / ^{233}U	7. Строительство прекращено
Центр ядерных исследований им. Индиры Ганди, <i>Кальпаккам, штат Тамил Наду</i>	8. На быстрых нейтронах, 40 МВт / плутоний и природный уран	8. 1985, на этом реакторе был наработан плутоний для первых ЯВУ
	9. «Камини», на быстрых нейтронах, 30+ МВт / ^{233}U	9. 1996

Мелким шрифтом даны строящиеся или выведенные из эксплуатации реакторы

Обогащение урана

Запасы природного урана в Индии оцениваются в 78 тыс. тонн (запасы тория — 518 тыс. тонн). Месторождения урана находятся в штатах Андхра-Прадеш, Орисса, Раджастан и Мегхалая. Мощности по обогащению урана в стране невелики (исследовательский пилотный каскад в Центре ядерных исследований им. Х.Бхабхи и маломощный завод в г. Раттехали, штат Карнатака). Проводятся эксперименты по лазерному обогащению в г. Индоур, штат Мадхья Прадеш.

За весь период работ по обогащению индийцами были получены около 28 кг ВОУ со степенью обогащения 90% и примерно 100 кг НОУ.

Извлечение плутония

Основная часть плутония была получена из отработавшего топлива АЭС в Тарапуре, где налажено соответствующее производство. Кроме того, выделение плутония проводится в Тромбейском центре им Х.Бхабхи и в Центре им. Индиры Ганди в Кальпаккаме.

Приложение 2 Ядерная инфраструктура Пакистана

Исследовательские лаборатории в Кахуте, Пенджаб, к востоку от Исламабада	Обогащение урана - основа ядерной программы
Ядерный центр в Хушабе, Пенджаб	Реактор - наработчик плутония, вошёл в строй в 1998 году с китайской помощью
Пакистанский институт ядерных исследований, Равалпинди	<ul style="list-style-type: none"> • Нарботка плутония. • Два исследовательских реактора в 9 и 13 МВт <u>под гарантиями МАГАТЭ</u>
Чашма, Пенджаб	<ul style="list-style-type: none"> • Энергетический реактор в 325 МВт, поставленный Китаем, <u>под гарантиями МАГАТЭ</u> • <u>Строящийся второй реактор, под гарантиями МАГАТЭ, ввод в строй к 2010 году</u> • Извлечение плутония из отработавшего топлива
Голра, Пенджаб	Экспериментальные мощности по обогащению урана
Шихала, Пенджаб	Экспериментальные мощности по обогащению урана
Карачи	Энергетический реактор «КАНУПП» в 137 МВт, <u>под гарантиями МАГАТЭ</u>
Вах, 90 км к северо-западу от Исламабада, Пенджаб	Цех по сборке ядерных зарядов (часть крупнейшего в Южной Азии комплекса по производству различных видов военной техники)